

УДК 94(5) + 930.23 + 821.161.1-992

Астафьев Дмитрий Александрович, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, г. Оренбург, Россия

e-mail: astafev25@yandex.ru

Чепелева Галина Игоревна, студентка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия

e-mail: chepeleva.gal@yandex.ru

ОБРАЗ СИНЬЦЗЯНА В КНИГЕ Ю.Н. РЕРИХА «ПО ТРОПАМ СРЕДИННОЙ АЗИИ»: ИСТОРИКО-ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В данной статье авторами представлен анализ книги «По тропам Срединной Азии», написанной в форме путевого дневника Юрием Рерихом – исследователем и участником Центральноазиатской экспедиции 1925 – 1928 гг. под руководством Николая Рериха. Актуальность исследования определяется тем, что исторический регион Синьцзян (другие названия – Восточный Туркестан, Китайский Туркестан) до сих пор не становился объектом систематического имагологического анализа, что определяет научную значимость изучения способов конструирования его образа в различных типах текстов. В структуре образа Синьцзяна, репрезентированного в анализируемом тексте, были выделены следующие ключевые имагологические маркеры: природные условия, городское пространство, этнический состав населения, а также политические и государственные деятели. Выявлено, что конструкт образа Синьцзяна у Ю. Н. Рериха принципиально не расходится с видением региона, характерным для советских военных специалистов и дипломатов, которые имели возможность ознакомиться с ним в первой половине XX столетия.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян, историческая имагология, образ, эго-текст, путевой дневник, Ю. Н. Рерих.

THE IMAGE OF XINJIANG IN YU. N. RERICH'S BOOK «TRAILS TO
IMMOST ASIA»: A HISTORICAL AND IMAGOLOGICAL ANALYSIS

Astafyev Dmitry Aleksandrovich, Associate Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Candidate of Historical Sciences, Orenburg, Russia

e-mail: astafev25@yandex.ru

Chepeleva Galina Igorevna, student of the Philological Faculty of the Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

e-mail: chepeleva.gal@yandex.ru

Abstract. In this article, the authors present an analysis of the book «Trails to Immost Asia», written in the form of a travel diary by Yuri Roerich, an explorer and participant in the Central Asian Expedition of 1925–1928 led by Nicholas Roerich. The relevance of this study lies in the fact that the historical region of Xinjiang (also known as East Turkestan and Chinese Turkestan) has not yet been the subject of systematic imagological analysis, which underlies the scholarly significance of studying the ways in which its image is constructed in various types of texts. The following key imagological markers were identified in the structure of the image of Xinjiang represented in the analyzed text: natural conditions, urban space, the ethnic composition of the population, and political and government figures. It was revealed that Yuri Roerich's construction of Xinjiang's image is fundamentally consistent with the vision of the region held by Soviet military specialists and diplomats who had the opportunity to become acquainted with it in the first half of the 20th century.

Key words: China, Xinjiang, historical imagology, image, ego-text, travel diary, Yu. N. Rerich.

В данной работе мы представляем результаты проведенного историко-имагологического анализа образа исторического региона Синьцзян (другие названия – Восточный Туркестан, Китайский Туркестан), представленного на страницах книги Юрия Николаевича Рериха «По тропам Срединной Азии» [10]. Данный регион некоторое время существовал как самостоятельное государство и периодически оказывался в сфере интересов крупных держав, в т.ч. Российской империи, а в XX в. – Советского Союза. На его территории происходили важные и значительные исторические события.

Синьцзян складывался как полиэтничный и поликонфессиональный регион, в котором с течением времени смешивались элементы различных культур тех народов, которые его населяли – уйгуров, китайцев, дунган, казахов, киргизов и др. Помимо этого он выступал одной из точек притяжения русской эмиграции, которая проходила несколькими волнами, начиная с конца XIX в., что придало ему со временем еще большее этнокультурное разнообразие. С 30-х гг. XX в. добавились советские специалисты – военные, инженеры, медики и др. Сейчас – это Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), входящий в состав Китайской Народной Республики (КНР). Интересно, что русские СУАР в настоящее время являются одной из официально признаваемых национальностей в регионе. В Синьцзяне, по сути, сохраняется до сих пор небольшой осколок «русского мира» за рубежом.

При том, что репрезентация Китая в целом достаточно хорошо представлена в научных публикациях [1; 4–8; 11], то Синьцзянь, отличающийся от «центрального» Китая по целому комплексу параметров, до сих пор не становился объектом систематического имагологического анализа. Это определяет научную значимость изучения способов конструирования его образа в различных типах текстов.

Основной источник данного исследования – книга Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» [10], написанная в форме путевого дневника. Мы сосредоточились на анализе лишь той части, в которой присутствует описание Синьцзяна. Эго-источники (мемуары, дневники, личная переписка и др.) носят

субъективный характер, поскольку их авторы опираются на свое мировоззрение, жизненные принципы, эмоции и переживания, однако это не снижает их ценности, поскольку обращение к ним позволяет исследователю увидеть исторические события глазами непосредственного участника, а не только как некий набор фактов, зафиксированный в определенном документе. Автор эго-текста – непосредственный участник или наблюдатель. Основные методы, примененные в данном исследовании – аналитический, историко-антропологический, биографический.

Остановимся немного на самой книге и ее авторе. Ю. Н. Рерих (1902 – 1960 гг.) – востоковед, лингвист, этнограф, путешественник и т.д. С 1917 г. вместе с родителями – Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной Рерихами оказался в эмиграции. В 1923 г. они прибывают в Индию, и Юрий в 1924 – 1925 гг. проводит научные исследования в Индии, Сиккиме, Кашмире.

Указанное произведение впервые было опубликовано в Лондоне в 1931 г. на английском языке. В нем представлено описание Центральноазиатской экспедиции 1925 – 1928 гг. под руководством его отца – исследователя, мыслителя, художника, путешественника Н. К. Рериха, оставившего также дневники об этом путешествии «Алтай-Гималаи» [9]. Ю. Н. Рерих отвечал за вопросы безопасности экспедиции и осуществлял коммуникацию с местным населением, поскольку знал хорошо многие языки, включая тибетский, монгольский, хинди и др.

Одной из ключевых точек в рамках данной экспедиции стал непосредственно Синьцзян. В книге Ю. Н. Рериха его образ находит отражение нескольких главах по мере продвижения экспедиции. Из г. Леха в регионе Ладакха (княжество Джамму и Кашмир) они направились в сторону г. Хотана, территориально принадлежащему к Восточному Туркестану.

Можно выделить несколько ключевых имагологических маркеров, определяющих образ Синьцзяна в рамках исследуемого текста: природа; города; население и народности; политические деятели.

Города Синьцзяна демонстрировали высокую степень инерционности, модернизационные процессы практически не находили отклика, патриархальные черты в укладе жизни сохранялись не то, что десятилетиями, а даже столетиями. Люди, приезжавшие сюда, сталкивались абсолютно с другим миром – чужим и непонятным, где порой действовали средневековые порядки. В тексте книги присутствует описание ряда городов Синьцзяна: Хотана, Яркенда, Кашгара, Урумчи и др.

Хотан с древних времен являлся важным центром на Великом шелковом пути, а с XVIII в. находился под влиянием Китая. Как точно подмечает Ю. Н. Рерих, за современным обликом этого пыльного оазиса скрывался лик древнего «очага буддийской учености» и одного из центров центральноазиатской торговли [10, с. 95]. Автор дневника погружает читателя в атмосферу домусульманского прошлого, когда население оазиса говорило на восточноиранском наречии, а индийские купцы принесли сюда письмо кхароштки. Поразительно, но даже в более поздних мусульманских источниках, у историка Гардизи, сохранились сведения о том, что жители Хотана оставались буддистами, а на северной его окраине существовало мусульманское кладбище и даже две христианские церкви [10, с. 96], что свидетельствовало о веротерпимости и культурном синкретизме, создавая тем объемный, осязаемый почти образ города «сфинкса», хранящего память о великих цивилизациях прошлого.

Тем контрастнее были первые впечатления участников экспедиции от реального, осязаемого Хотана, которые трудно было назвать положительными. Об том можно судить по соответствующим эпитетам в тексте, например, «скверно пахнущий китайский город» [10, с. 90]. Юрий Рерих в главе «Хотан» подробно останавливается на истории и современном состоянии этого древнего оазиса, характеризуя, в частности, представленные на его территории отрасли производства и торговлю. В этом отражается научный подход автора, поскольку он вел не просто путевой дневник, но и занимался исследовательской работой. Интересно, как менялся облик этого города,

находившегося на пересечении торговых путей и испытывавшего влияние различных культур – буддийской, индийской, иранской, мусульманской, китайской и др. Хотан на момент экспедиции состоял из мусульманских и китайских кварталов. Юрий Рерих писал о том, что в Синьцзяне сохранялись пережитки феодальных отношений, выражавшиеся, к примеру, в продаже в рабство людей [10, с. 98].

Однако по мере нахождения в Хотане его образ в глазах путешественников не становился более привлекательным: пыльные узкие дороги; однообразные глинобитные дома; зловонные базары и т.д. [10, с. 99]. К слову, советские военные специалисты, оказавшиеся по долгу службы в Китае и непосредственно в провинции Синьцзян давали примерно схожие характеристики городам региона [2]. Даже столица Синьцзяна – Урумчи не сильно отличался от других городов: «улицы утопали в непролазной черной грязи» [10, с. 173]. Тем не менее, Урумчи привлекает внимание исследователей не столько урбанистической эстетикой, сколько политической атмосферой, сгущавшейся в его пыльных кварталах. Въехав в столицу Нового Владения, экспедиция оказалась в центре тревожного военного лагеря: на улицах царила лихорадочная мобилизация, а в арсеналах спешно чинили ружья, готовясь отразить наступление маршала Фань Юйсяня из Ганьсу [10, с. 169].

Сам город, с его бывшей русской факторией, где разместились штаб-квартира экспедиции, и мусульманскими кварталами, производил двойственное впечатление. Здесь, на фоне тяжеловесной кирпичной архитектуры и убогих глинобитных мазанок, особенно выделялись калмыцкие воины, чья «исключительная выправка и независимый вид» [10, с. 174] разительно контрастировали с пестрой и недисциплинированной массой китайских солдат, на деле представлявших собой «пестрое сборище одетых в форму бродяг» [10, с. 182]. Контраст этот между внешней мощью отдельных элементов и общей энтропией имперского присутствия становится ключевым для понимания образа столицы Синьцзяна в интерпретации Ю. Рериха. Подобно Хотану и другим городам региона, Урумчи за целые столетия мало изменялся в своем

облике и образе жизни людей, их населявших; по словам автора: «город и его жители не изменились со времен Марко Поло» [10, с. 100]. Этим многое сказано.

Например, изображение города Кашгара интересно представлено на страницах книги Юрия Рериха. Город являлся крупным торговым центром с большим количеством базаров с их разнообразием товаров. «Базары Кашгар, с их навесами из мешковины и соломенных циновок, неизменно привлекают внимание приезжих. Их узкие и темные улочки, представляют собой настоящий этнографический музей, в котором ученый испытывает истинное наслаждение, открывая для себя новые типы» [10, с. 137]. Повествование расширяет эту музейную метафору, превращая пространство базара в пеструю сцену, где разыгрывается драма «пограничного синтеза» культур. Здесь, среди «сумрачных лавок с бухарскими и хивинскими изделиями и самаркандскими коврами», автор замечает удивительный артефакт эпохи: форму русского студента высшей школы, выставленную на продажу [10, с. 137]. Деталь эта, подобно застывшей волне постреволюционной эмиграции, придает описанию горьковато-ностальгический оттенок, а сам Кашгар предстает уже не просто торговым перекрестком, но гигантским «блошиным рынком» исторических судеб. Здесь же, среди пестрых торговых рядов, Рерих фиксирует уникальную экономическую аберрацию: местные купцы, скупившие за бесценок обесценившиеся царские рубли и банкноты, в своих сделках мысленно оперируют миллионами, словно играя с призраками утраченного капитала [10, с. 137] – подобная детализация превращает сухое описание товарооборота в захватывающую зарисовку экономического сюрреализма.

Впрочем, при всей фантазмагоричности базарной жизни, картина, наблюдаемая путешественниками в их продвижении по Великому северному торговому пути, за пределами городов не отличалась разнообразием: пустынные и горные пейзажи, да среди них пыльные глинобитные селения. К примеру: «Последний переход до Урумчи проходил по пустынной местности, по-зимнему мрачной и безжизненной» [10, с. 167]. В целом, сам регион

отличается экстремальными климатическими условиями, что периодически отмечает и сам автор: «в горах и пустынях, была ранняя весна с холодными ночами и ветреными днями; здесь же стояло лето с жаркими днями и безветренными душными ночами» [10, с. 167].

Рерихи встречались с представителями местной китайской администрации и лидерами, вышедшими из среды национальных элит, что нашло отражение в тексте, поэтому на страницах книги мы встречаем не только описание природы и городов региона, но и персонифицированные образы, как например, даотай (губернатор) Хотана Ма Шао-ву (или Ма Шаоу) – выходец из китайских мусульман (народность хуэй). Автор останавливается на описании перипетий борьбы за власть со стороны Ма Шао-ву [10, с. 101 – 105]. Юрий Рерих дает ему следующую характеристику: «Человек выдающихся способностей и личной отваги, но при этом интриган, склонный к мстительности» [10, с. 105]. Китайские чиновники, как отмечал автор, умело демонстрировали внешнее почтение и готовность помочь, следуя устоявшемуся церемониалу, однако на деле все обстояло иначе, вплоть до чинимых препятствий с их стороны, что, в частности, затянуло их отъезд [10, с. 105–115]. Советские дипломаты, работавшие в Китае и Синьцзяне, также подчеркивали эту особенность китайских чиновников [2, с. 28].

Юрий Рерих описывает встречу в Хотон-сумбуле с политическим и духовным лидером торгутов, регентом-правителем – Тойон-ламой [10, с. 160 – 164]. По словам Рериха: «Тойон-лама являлся довольно интересной политической фигурой Центральной Азии, и несколько лет его называли “сильным человеком торгутов”» [10, с. 161]. Рерихи после встречи отозвались о нем, как о симпатичном человеке [10, с. 163].

Еще одна политическая фигура, о которой говорится на страницах книги: Янь Цзэнсинь, генерал-губернатор Синьцзяна [10, с. 175–178]. Он обладал сильной, со временем почти независимой властью на территории региона и умело лавировал в 20-е гг. XX в. между Китаем и СССР. Юрий Рерих достаточно подробно останавливается на неоднозначной характеристике этого

правителя и проводимой им политике. Как отмечает автор: «Его методы правления были жесткими и решительными, и его противники не осмеливались выступать против него» [10, с. 175], а вокруг персоны сложился устойчивый комплекс слухов.

Власть Янь Цзэнсиня, «человека старых взглядов», держалась на железной изоляции провинции и виртуозном лавировании между центральным Китаем и Советской Россией, где у него была репутация друга [10, с. 175, 177]. Ю. Н. Рерих с гротескной практически зоркостью фиксирует символическое самовозвеличивание этого «старого льва» Азии. Подчеркивая деспотическую паранойю правителя, автор описывает чугунный монумент, воздвигнутый губернатором в честь самого себя в летнем дворце: «Расходы по отливке и транспортировке огромной статуи из Китая в Урумчи были возложены на “благодарное” население города» [10, с. 183]. Памятник тщеславию, воздвигнутый на народные средства, становится в тексте мрачным символом правления Янь Цзэнсиня – периода, когда «царствование» кончилось катастрофой, а сам губернатор был застрелен охранником прямо на церемонии раздачи призов [10, с. 178].

Завершая портретную галерею синьцзянских правителей, нельзя обойти вниманием и ту пестроту народов, населявших регион, порождая особую сложность межэлитных отношений с китайскими властями и между собой. Постоянно шла политическая борьба, интриги, заигрывания, подавление и т.д. Регион не характеризовался спокойствием, периодически вспыхивали различные восстания, направленные против китайцев. Многие политические лидеры народов, населявших Синьцзян, для успешного закрепления во власти следовали макиавеллистским принципам, сочетая в себе качества «львов» и «лисиц».

Автор периодически останавливается в тексте и на образах местных народов. К примеру, он дает нелицеприятную характеристику дунганам, подчеркивая, что все путешественники жаловались на них [10, с. 145], что говорит нам о том, что это не просто лишь его субъективный взгляд.

Встречаем подобную оценку и у советских дипломатов [2, с. 28]. Дунгане считаются потомками хуэйцзу – китайских мусульман, которые бежали из Китая после подавления Дунганского восстания (1862 – 1877 гг.). Удивительно, подчеркивает Юрий Рерих, что, несмотря на сильное распространение ислама, в регионе сохранились даже приверженцы древних доисламских верований. Он описывает встречу с одним из таких людей на их пути: «в народе их называют бакша, или «учитель»» [10, с. 155].

Этнографическая панорама Синьцзяна была бы неполной без упоминания трагического следа, оставленного здесь русской эмиграцией. Повествование Ю. Н. Рериха изобилует мимолетными, но наповал разящими деталями, фиксирующими этот пласт культуры, такими как упомянутый выше, на кашгарском базаре среди прочих диковин представленный безмолвный свидетель распада целой цивилизации в виде русской студенческой формы [10, с. 137], или введенные автором при описании китайского военного эскорта замечание, что большинство винтовок у солдат были русскими, оставшимися после отступления белогвардейских войск в Синьцзян [10, с. 130]. Эти осколки империи, вплетенные в ткань повседневности Восточного Туркестана, создают в книге особое, полутонное измерение, где история «русского исхода» проступает сквозь узоры торговых сделок и военных парадов, добавляя в образ региона ноты щемящей обреченности и преемственности. Наряду с этими призраками имперского прошлого, по мере продвижения экспедиции, авторы встречали и вполне реальных представителей различных народов, населяющих Синьцзян. К примеру, на территории Карашарского района – торгутов и хошутов, сохранявших кочевой образ жизни [10, с. 158]. Они относятся к этногруппам ойратов и исповедуют ламаизм.

Таким образом, авторами в рамках изучения образа региона Синьцзян, или Восточного Туркестана, были проанализирован путевой дневник исследователя Юрия Рериха, участвовавшего в Центральноазиатской экспедиции 1925 – 1928 гг. под руководством Николая Рериха. В структуре образа Синьцзяна, репрезентированного в анализируемом тексте, были

выделены следующие ключевые имагологические маркеры: природные условия, городское пространство, этнический состав населения, а также политические деятели.

Однако уникальность видения Ю. Н. Рериха заключается не только в совпадении конструкта образа Синьцзяна с внешними наблюдениями советских военных специалистов и дипломатов, имевших возможность ознакомиться с ним в первой половине XX столетия, но и в особой, внутренней оптике наблюдателя, находящегося одновременно внутри и вне описываемого мира. Метод его действует в лучших традициях русских путешественников, где холодный анализ геополитической ситуации соседствует с поэтическим почти восприятием «биения пульса великой Азии» [10, с. 46]. Рерих не просто фиксирует «средневековые порядки» или «патриархальность», но наблюдает, что даже само время в Синьцзяне течет иначе: игра в шахматы на пограничном посту для унтер-офицеров оказывается важнее оформления документов, и автор философски замечает: «Время мало что значит в Урге, как, впрочем, и повсюду в Центральной Азии!» [10, с. 198]. Именно это умение разглядеть логику в том, что европейцу кажется хаосом, а также скрупулезная фиксация деталей превращает путевой дневник Рериха из простого нарратива в фундаментальный источник по исторической антропологии региона, Синьцзян изображая не застывшей декорацией, но живым, переменчивым организмом, где бредущие караваны верблюдов соседствуют с мобилизуемой армией, а шепот дунганского заговора – с грохотом чугунного монумента, падающего с пьедестала истории.

Литература и источники

1. Авдашкин А. А., Раева Т. В., Сибиряков И. В. Образ Китая и китайцев в позднеимперской России (по материалам журнала «Нива») // Былые годы. 2021. № 16(4). С. 1898–1909. DOI 10.13187/bg.2021.4.1898. EDN APMDAH.
2. Астафьев Д. А. Синьцзян – взгляд советского дипломата В. И. Иваненко: от абстракции к конкретным очертаниям // Десятые Моисеевские чтения:

Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева, Оренбург, 20–22 ноября 2025 года. Оренбург: ООО «Издательство «Оренбургская книга», 2026. С. 25–30. EDN VFZZVL.

3. Астафьев Д. А., Чепелева Г. И. Репрезентация Синьцзяна в эго-текстах советских военных специалистов // Научный вестник Крыма: электронный рецензируемый журнал. 2025. № 4(57). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1323> (дата обращения 15.05.2026 г.)

4. Благодар Ю. Г. Записки князя К. А. Вяземского о путешествии по Китаю в 1894 – 1895 годах как исторический источник (по страницам журнала «Русское обозрение») // Научный диалог. 2019. № 3. С. 231–245. DOI 10.24224/2227-1295-2019-3-231-245. – EDN FPOGOS.

5. Благодар Ю. Г. Образ Китая в российской периодической печати начала XX века: либералы против монархистов // Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ: Материалы XXXII Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, Санкт-Петербург, 26–28 апреля 2023 года / Отв. редакторы: Н. Н. Дьяков, А. О. Победоносцева Кая, П. И. Рысакова. Спб: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. С. 286–288. EDN WJYQOS.

6. Бокавнева О. В. Образ Китая в России: история вопроса // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 2(18). С. 161–174. DOI 10.24833/2541-8831-2021-2-18-161-174. EDN PNCFSB.

7. Каменская, Е. В. Китай 1950-х гг. глазами советских специалистов (по материалам работников Уральского завода тяжелого машиностроения) // Россия – Китай: история и культура: Сборник статей и докладов участников X международной научно-практической конференции, Казань, 01–31 января 2017 года. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2017. С. 223–227. EDN YTROYE.

8. Лицю Л., Благодар Ю. Г. Сцены из городской жизни: заметки русского врача В.В. Корсакова о Пекине начала XX века // Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 3. С. 43–52. DOI 10.15688/jvolsu4.2025.3.5. EDN JBFTXV.

9. Рерих Н. К. Алтай – Гималаи. Предисл. Б. Г. Гафурова. Послесл. А. П. Окладникова. М.: Мысль, 1974. 350 с.

10. Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Пять лет полевых исследований с Центрально-Азиатской экспедицией Рериха / Пер. с англ. И. И. Нейч, А.Л. Барковой. М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2012. 780 с.

11. Титаренко А. С. Знатоки Китая: восточный сосед в исследованиях представителей военно-дипломатической и интеллектуальной элиты России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 81–89. EDN TYCSKV.